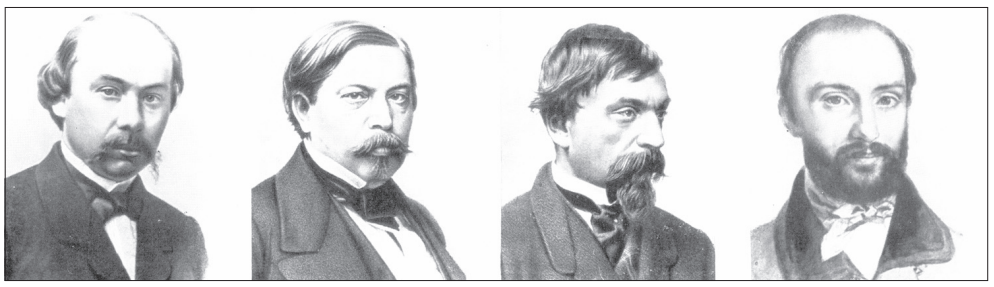
Только у нас



С.С. Дудышкин, П.В. Анненков, И.И. Панаев, В.П. Боткин

неповоротливее, и я надеюсь их скоро развести. Тогда уеду с ней во Франкфурт, потом в Швейцарию или прямо в Париж, не знаю: всё будет зависеть от того, овладею я ею или нет. Если овладею, то в одно время приедем и в Петербург, и вы увидите её и решите, стоит ли она того страстного внимания, с каким я вожусь с ней, или это так, бесцветная, бледная женщина, которая сияет лучами только для моих влюблённых глаз? Тогда, может быть, и я разочаруюсь и кину её... Женщина эта, - продолжал он, - моё же создание, писаное, конечно, - ну, теперь угадали, недогадливый, что я сижу за пером»[1]. В письме к Юнии Дмитриевне Ефремовой от 29 июля Гончаров поведал, как живёт и лечится уже шесть недель: «Каждое утро встаю я в половине шестого, в седьмом часу являюсь к источнику пить от трёх до четырёх больших кружек воды и хожу два, а иногда два с половиной и даже до трёх часов. Обедают в Мариенбаде в час, самые поздние - в два, а я - в четыре... Перед обедом я беру - один день ванны из грязи, другой из минеральной воды, все от печени. Ежедневно по возвращении с утренней прогулки, то есть с 10 часов до трёх, я не встаю со стула, сижу и пишу... Встаю из-за работы бледный, едва от усталости шевелю рукой».

Горячо поблагодарив Юнию Дмитриевну за сбывающееся её предсказание, что на курорте он напишет роман, Иван Александрович не без гордости заявил: «У меня закончена первая часть Обломова, написана вся вторя часть и довольно много третьей, так что лес уже редеет, и я вижу вдали... конец. Странно покажется, что в месяц мог быть написан почти весь роман: не только странно, даже невозможно, но надо вспомнить, что он созрел у меня в голове в течение многих лет и что мне оставалось почти только записать его; во-вторых, он ещё не весь, в-третьих, он требует значительной выработки, в-четвёртых, наконец, может быть, я написал кучу вздору... Я бы охотно остался месяц ещё здесь, потому что дальше, знаю, мне не удастся уже заняться писаньем; но не остаюсь потому, что недописанное нетрудно будет, несмотря на занятия, докончить и в Петербурге. Главное, что требовало спокойствия, уединения и некоторого раздражения, именно главная задача романа, его душа - женщина - уже написана, поэма любви Обломова кончена...»[2].

«Посудите сами, мой друг, - продолжал он, - как слепы и жалки крики и обвинения тех, которые обвиняют меня в лени, и скажите по совести, заслуживаю ли я эти упрёки до такой степени, до какой меня ими осыпают? Было два года свободного времени на море, и я написал огромную книгу, выдался теперь свободный месяц, и лишь только обходимое для поездки на заграничный курорт. И, несмотря на то, что прошло всего полгода после возвращения из Мариенбада, Гончаров подал председателю цензурного комитета И.Д. Делянову рапорт с просьбой предоставить ему четырёхмесячный заграничный отпуск. Делянов, в свою очередь, 10 марта ходатайствует перед Ковалевским о предоставлении Гончарову четырёхмесячного заграничного отпуска и выдаче ему содержания в виде награды «за постоянную ревностную и сопряжённую с большими трудностями службу» [20].

В тот же день Иван Александрович присутствовал на обеде, данном редакцией «Современника» в ресторане «Дюссо» в честь тяжело заболевшего и вынужденного ехать за границу для лечения выдающегося актёра Мариинского театра Александра Евстафьевича Мартынова. Приветственное письмо к нему, подписанное всеми собравшимися, зачитал Александр Дружинин. Николай Некрасов прочёл посвящённые ему стихи. Александр Островский произнёс речь от имени драматических писателей. Иван Тургенев и Михаил Салтыков-Щедрин увенчали любимого актёра лавровым венком, ленты которого поддерживали Иван Гончаров и Лев Толстой.

В среду 18 числа вышел из печати мартовский номер «Отечественных записок» с третьей частью романа «Обломов». Сообщая об этом 11 апреля в письме к Аполлону Майкову, находившемуся на борту корвета «Баян» у островов Греческого архипелага, романист упомянул и об «Обломове»: «Доселе вышли три части (четвёртая выходит завтра) и встречены были, особенно 2-я часть, с неожиданным для меня благоволением. Успех, если не больше, так равный «Обыкновенной истории»... Старик и Старушка (Владимир и Екатерина Майковы. - **Ж.Т.**) едут в Киссинген. Вы это конечно знаете; я тоже прошусь в Мариенбад. И если всё устроится по нашему желанию, то мы отправимся в одном мельпосте (почтовой карете. - **Ж.Т.**) до Варшавы».

16-го апреля А. Дружинин получил из Ясной Поляны письмо от Льва Толстого с очень лестным отзывом о новом творении Ивана Александровича: «Скажите Гончарову, что я в восторге от «Обломова» и перечитываю ещё раз. Но что приятнее ему будет - это то, что «Обломов» имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике». 20 числа, в апрельском номере «Отечественных записок», появилась последняя часть «Обломова», и уже через неделю император получает от министра Ковалевского рапорт, в котором было заявлено: «Большой роман г. Гончарова кончен. Литература наша получила в нём капитальное приобретение».

Неудивительно, что после такого официального признания высоких достоинств романа уже 8 мая Краевский получил цензорское разрешение отдельного издания романа. А 13 мая Иван Александрович в письме ко Льву Толстому горячо благодарит за ласковые слова об «Обломове», сказанные в письме к Дружинину: «Слову Вашему о моём романе я тем более придаю цену, что знаю, как Вы строги, иногда даже капризно - взыскательны в деле литературного вкуса и суда... Словом, угодить на Вас нелегко, и тем мне приятнее было приобрести в Вас доброжелателя новому моему труду»[21]. Между тем почти одновременно в майских номерах «Отечественных записок» и «Современника» появились отклики о романе «Обломов»: юриста, начинающего публициста Николая Соколовского и ведущего критика «Современника» Николая Добролюбова. С учётом того, что Соколовский написал свой отклик ещё 6 апреля, по прочтении двух первых частей романа, когда ещё трудно было предвидеть его окончание, уместно остановиться сначала на нём, и подробнее, ибо он - первый публичный критик «Обломова», да ещё из родного города автора романа, и воспитанник его старшего брата Николая Александровича, учителя.

[1] Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М., 1989. С. 234.
[2] Там же. С. 238.

[20] Там же. С. 92.
[21] Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. С. 317.

Несмотря на длительный заграничный отпуск, романист и в этом году немало потрудился на цензорской ниве: проштудировал 8584 рукописных листа и 1039 печатных листов различных изданий. Но руководство министерства ценило не столько количество, сколько высокое качество его развёрнутых и глубоко аргументированных рецензий, на основе которых и составлялся им отзыв о рукописях и решалась их судьба. Именно поэтому князь Пётр Вяземский в первой половине нового 1858 года привлёк Ивана Александровича к составлению записки «о необходимости действовать по цензуре в смягчительном духе». Записка эта была прочитана министром Авраамом Норовым в заседании Совета министров 16 января, но консервативное большинство отвергло её и цензуре велело «быть строже»[8].

Однако либеральные веяния в России пользовались всё возрастающей популярностью. Характерный случай произошёл в феврале в связи с увольнением 35-летнего московского цензора Николая Фёдоровича фон Крузе за некоторые послабления печати. Пятьдесят три петербургских литератора, группировавшихся главным образом вокруг «Современника», составили сочувственный адрес Крузе. Среди подписавшихся - Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Тургенев, Григорович, Салтыков-Щедрин и наш Иван Александрович[9].

Замечу также, что Николай Крузе станет писателем и видным земским деятелем, а десять лет спустя, в 1867 году, за резкую критику действий властей будет сослан в Оренбург. Однако и по прошествии следующего десятилетия, осенью 1879 года, Иван Александрович, как это видно из его письма к академику А.Ф. Кони, счёл бы за «превеликое удовольствие» провести с ним и Николаем Крузе два-три часа за совместной трапезой[10].

В первых числах марта 1858 года Иван Александрович в квартире Александра Дружинина в присутствии Павла Анненкова и издателя журнала «Библиотека для чтения» Вячеслава Петровича Печаткина читал рукопись романа «Обломов». Павел Васильевич, собиравшийся ехать в Европу, выкроил-таки время, чтобы поделиться с приятелем Ефимом Коршем отрадным впечатлением от авторского чтения: «На днях мы удостоились выслушать из уст самого Гончарова весь его роман вполне - «Обломов». Чудная и превосходная штука»[11]. Неудивительно, что Печаткин, не без влияния своего редактора Алексея Писемского, согласен был платить Гончарову за «Обломова» по 200 рублей за печатный лист, то есть высший гонорар того времени. А 28 апреля Иван Александрович узнал, что его коллега-цензор Владимир Николаевич Бекетов представил в комитет одобрительный отзыв о всех трёх частях «Обломова».

В августе Иван Александрович получил от И. Горбунова три пьесы Островского - «Семейная картина», «Утро молодого человека» и «Свои люди - сочтёмся». Одобрительный отзыв на первую пьесу прошёл вообще спокойно, а за «Свои люди - сочтёмся» Ивану Александровичу пришлось бороться и хлопотать даже в Главном управлении цензуры. В письме же к Александру Островскому он дружески заявил: «Сомнения нет, что комедия в изменённом виде пройдёт, но мне хотелось бы, чтобы она прошла в прежнем виде; я буду настаивать на этом...»[12]. Весьма либеральным выглядело и представление Гончарова в цензурный комитет о рукописи Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина»: он счёл возможным одобрить её в печать, за исключением некоторых мест.

В среду 10-го и субботу 13 сентября Иван Александрович вновь (в который раз!) читает у себя Андрею Краевскому, Владимиру Майкову, Степану Дудышкину и Александру Никитенко рукопись «Обломова». Последний из них в своём дневнике оставил характерную для этого профессора лаконичную, но ёмкую запись: «Много тонкого анализа сердца. Прекрасный язык. Превосходно понятый обрисованный характер женщины с её любовью. Но много такого ещё, что может быть объяснено в целом. Вообще в этом произведении, кроме неоспоримого таланта, поэтического одушевления, много ума и тщательной, умной обработки»[13].

Казалось бы, что после таких доброжелательных, причём неоднократных, отзывов опытных и уважаемых литераторов и продолжающегося своеобразного соревнования среди издателей журналов за право первой публикации «Обломова» автор романа был вправе без промедления сдать рукопись в печать. Однако Иван Александрович вручает экземпляр рукописи Ивану Ивановичу Льховскому, а тот с присущей ему дотошностью и вместе с тем тонким художественным чутьём сделал тщательный и очень благоприятный разбор рукописи романа. Растроганный Иван Александрович в письме к нему от 17 сентября сердечно благодарил молодого и верного друга за его замечания и пожелания: «Многие из них неоценённы... Кроме того, я переделал главу «Штольц с Ольгой в Париже», она показалась слушателям неестественной, как и Вам»[14].

И вот только теперь, после серии чтений, бесед и обсуждений с друзьями, внесения поправок и изменений, 6 октября 1858 года, Гончаров заключил с Краевским договор о публикации в «Отечественных записках» романа «Обломов» и об отдельном его издании тиражом в 3500 экземпляров. Согласно этому договору, Краевский обязался выплатить автору 10 тысяч рублей и выдать безвозмездно сто экземпляров[15].

Казалось бы, что эпопее по сотворению второго романа Гончарова наступил долгожданный и благополучный конец. Но, увы, не прошло и месяца, как Иван Александрович в письме от 5 ноября к Льховскому, сообщая о подготовке первой части «Обломова» к печати, горестно заключил: «Недавно сел перечитать её и пришёл в ужас. За десять лет хуже, слабее, бледнее я ничего не читал первой половины 1-й части: это ужасно! Несколько дней сряду лопатами выгребал навоз и всё ещё много! Прочитывая сцену последнюю барина и слуги, я был сам поражён тою же мыслью, как и Вы. Ах, если б и другие так поняли её!»[16]. Видимо, романист находился под впечатлением каких-то неприятных событий, если чуть ли не уничижительно оценил результаты «мариенбадского чуда», происшедшего на курорте при сотворении глав «Обломова».

На настроении романиста сказывалась и большая служебная занятость, и возникающие конфликтные ситуации. В письме к сестре Александре Кирмаловой от 1 декабря он сообщал: «Я только и делаю, что читаю, журналов прибавилось множество, а с ними и много дела цензорам... Теперь я занят печатанием своего романа в «Отечественных записках». Первая часть выйдет в январе, а последняя в апреле». Таким «растянутым» на месяцы графиком печатания «Обломова» Иван Александрович был недоволен, ведь тургеневский роман «Дворянское гнездо» шёл в январском номере «Отечественных записок» во всей целости.

Критик и писатель Александр Дружинин, считая печатание «Обломова» в четырёх номерах журнала неблагоприятным для его оценки, счёл нужным сказать публично: «Трудно пересчитать все шансы, собранные против этого художественного создания. Оно печаталось помесячно, стало быть, перерывалось три или четыре раза. Первая часть, всегда так важная, особенно важная при печатании романа в раздробленном виде, была слабее всех остальных частей. В этой первой части автор согрешил тем, чего, по-видимому, никогда не прощает читатель, - бедность действия; все прочли первую часть, заметили её слабую сторону, а между тем продолжение романа, так богатое жизнью и так мастерски построенное, ещё лежало в типографии! Люди, знавшие весь роман, восхищённые им до глубины души, в течение долгих дней трепетали за г. Гончарова, что же должен был перечувствовать сам автор, пока решилась судьба книги, которую он более десяти лет носил в своём сердце»[17].

Автор же не покладая рук исполнял свои цензорские обязанности. По подсчётам А. Мазона, Гончаров в 1858 году прочтёт 19211 рукописных листов и 1052 листа различных изданий.

9 января нового 1859 года в «Отечественных записках» появилась первая часть «Обломова», которую автор по-прежнему просил друзей не читать до окончания публикации всего романа. Об этом, в частности, он напоминал Василию Петровичу Боткину в письме от

[8] Никитенко А. В. Дневник. Т. 2., 1955. С. 9.
[9] Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. С. 81.
[10] Литературное наследство. Т. 102. С. 443.
[11] Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А Гончарова. С. 81.
[12] Там же. С. 85.
[13] Никитенко А.В. Дневник. Т. 2. С. 34.

[14] Литературный архив. 3. С. 142-145.
[15] Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. С. 86.
[16] Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. С. 306.
[17] Дружинин А.В. Литературная критика. М., 1983. С. 295.